

Светлана Морозова

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сладкоголосая птица любви

Рассказы

Светлана Морозова
Сладкоголосая птица любви

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Морозова С. П.

Сладкоголосая птица любви / С. П. Морозова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга о поколении шестидесятников. Про любовь в СССР одна фифабросила летучую фразу «В СССР нет секса»! Это отчасти было верно, потому что слово Секс в то время заменяли словом Любовь. А любви было много! — как же без любви-то?! Просто наша партийная цензура исключала любовные сцены из фильмов и книг, которые считала выходящими за рамки дозволенного, пеклась о нравственности. Но молодые люди жили и любили, несмотря на ханжеские запреты. Господь подарил людям испытывать сладостное чувство Любви между мужчиной и женщиной, от которого ирождается человек. На обложке изображена картина автора книги. Содержит нецензурную брань.

Содержание

БИОГРФИЯ	5
ШАЛЬНАЯ МОЛОДОСТЬ МОЯ	7
ПОЗОВИ МЕНЯ	10
АРСЛАН	13
ВРЕМЯ УЧИТЬСЯ И ВРЕМЯ ВЕСЕЛИТЬСЯ	15
ОТЕЦ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

БИОГРАФИЯ

Светлана Петровна Морозова (девичья фамилия Левых) родилась 7 августа 1941 года в Хакасии. По окончании школы в 1958 году работала маляром, электрообмотчицей, пионервожатой, лаборанткой. С 1960 по 1963 год училась в Магнитогорском Горно-Металлургическом институте, из которого ушла, так как решила стать архитектором. С 1964 по 1969 год учеба на архитектурном факультете Казахского Политехнического института в Алма-Ате, Профессия – архитектор. После окончания учебы была направлена в Военморпроект во Владивостоке.

Светлана участвовала в проектировании штаба Тихоокеанского Флота, общественных и гражданских объектов Владивостока, г. Большой Камень. По ее проекту в 1972 году создан памятник на Камчатке в г. Вилючинске в честь погибших в районе острова Гуам моряков первой атомной подводной лодки К-129. С 1972 по 1974 годы работала в Алма-Ате над проектом института Алматагипротранс, автовокзала в г. Новый Узень, микрорайонов в г. Сары-Шаган. С 1974 по 1976 год работала в институте Приморгражданпроект г. Владивостока над проектами микрорайонов Владивостока, школы и городской санэпидстанции. По ее конкурсному проекту построен санаторно-курортный комплекс в бухте Шамора.

В 1976 году по приглашению работала главным архитектором г. Свободного Амурской области, откуда уволилась из-за конфликта с руководством города, Госстрой РСФСР предложил ей работать главным архитектором нового строящегося города Усинска – Всесоюзной ударной комсомольской стройки для разработки нефтяных месторождений на границе Полярного круга в Коми АССР. Она заставила строителей красить строящиеся дома по ее цветовым решениям в духе супрематизма. По проекту Светланы Морозовой построен памятный знак города Усинска на границе Северного полярного круга.

С 1981 года член Союза Архитекторов СССР.

В 1986 году отказалась согласовать строительство микрорайона Усинска вопреки генплану города, о чем настаивал первый секретарь обкома. Начиналась Перестройка, иона перевелась из горисполкома в Худфонд Коми АССР, работала по интерьерам строящихся зданий Усинска.

В 1987 году вышла замуж за Льва Аркадьевича Морозова, он приехал в Усинск из г. Балахны Нижегородской области. Решила создать мастерскую при отделе культуры горисполкома и работать с мужем над интерьерами общественных зданий Усинска. Денег зарабатывали много по расценкам Худфонда, поэтому зав отделом культуры и главный архитектор города всячески мешали работать, препятствовали заключению договоров. Пришлось защищать свои права в суде, они выиграли два иска у горисполкома, им выплатили большой материальный ущерб, но опять пришлось уволиться.

1990 году Светлана Морозова открыла Усинский филиал Городецкого художественно-производственного комбината под эгидой Советского Фонда Культуры, возглавляемого Раисой Максимовной Горбачевой. Работали с мужем по декоративно-монументальному оформлению интерьеров общественных зданий Усинска, офисов, столовых, школ, детских садов, аэровокзала, сельских клубов в селах. В 1993 году филиал закрыли в связи с ликвидацией Советского Фонда Культуры. Светлана Морозова вышла на пенсию. Все рушилось, работы не было, настали тяжелые времена, люди покидали Север. В 1994 году Морозовы выехали в г. Балахну Нижегородской области.

В 2011 году муж умер, Светлана Морозова пишет картины и книги. Участвовала в художественных выставках в Коми АССР, Нижегородского Дома Архитекторов, Дома Ученых, на Нижегородской ярмарке, в Нижегородской мэрии, в Балахне, в Нижегородском Выставочном

комплексе, и областных выставках Союза художников России, в выставках галереи «Русский век».

ШАЛЬНАЯ МОЛОДОСТЬ МОЯ

На четвертом курсе Бэлка сказала:

– К Жунусову приехали друзья из Баку. Парни – во!! Вагиф – строитель, Ариф – электронщик. Сегодня идем в ресторан.

Вечером навели марафет и пошли. Мы с Арифом сразу понравились друг другу и лихо выплясывали под джаз без усталости. После ресторана веселье продолжили в трехкомнатной квартире Жунусова, потом разошлись по комнатам. Родители были на курорте.

Ариф – уверенный, стильный, в модном, невиданном в Алма-Ате пальто из джерси, дорогом костюме, лакированных туфлях и ослепительно белой нейлоновой рубашке, которую невозможно купить, оказался интересным собеседником. Мы болтали о живописи, литературе, театре, электронике, стихах, книгах...

На ночь он постирал свою рубашку и повесил на плечиках на люстру, чтобы до утра высохла. Рассказал про себя. Он из семьи Алекперовых, одного из старинных кланов Азербайджана. Аспирант, электронщик, и калымит ремонтом телевизоров.

– Зарабатываешь?

– А как же! Клиентов – тьма, меньше червонца за вечер не бывает.

– Ого, да ты богатый жених!

– Еще бы, живу в двухкомнатной квартире с видом на Каспий.

А утром решительно заявил:

– Я люблю тебя и женюсь!

Такой вот самодовольный, не сомневался, что осчастливит.

– А это ничего, что я русская? – родители переживут?

– Еще бы! У меня мама русская, она татарка.

– Ага! Но я учебу не брошу.

– В Баку на архитектурный факультет переведешься. Сдавай сессию и готовь документы!

– Да как-то все галопом!

– Нормально! Я ждать не хочу.

Он меня даже не спросил, согласна ли я. Ну, ладно, посмотрим, зачем огорчать – время есть. К полудню мы привели себя в порядок, попили кофе и отправились на двух такси в ресторан Кок-Тюбе, расположенный на горе по дороге на Медео. Здание ресторана по архитектуре напоминало юрту, и было полностью застеклено открытыми настежь окнами. Вид с Кок-Тюбе был потрясающий! – весь центр Алма-Аты с новыми современными зданиями площадей. Красотища!

Неделя пролетела – Медео, рестораны по вечерам, и квартира Жунусова. Заботливый и внимательный Ариф украдкой подкидывал в сумку будущей жене червонцы. Лекции и проекты возобновились только после отъезда Арифа. Он вызывал меня на переговоры каждый день, жаловался, что скучает, торопил с документами по переводу. А я уже точно не хотела никакого Баку. Жена, да еще азербайджанская, нет, это не про меня. А папа вряд ли смирится с мужем, который незаконно левачит.

Мне было хорошо с Арифом, как с надежным другом и любовником, но иметь его как мужа?! – ну уж нет, ведь с ним надо жить и спать все время, а это не для меня! Брак, семья, дети с творчеством несовместимы, свобода и – точка, замуж не хочу! И я перестала бегать на переговоры. Думала – отцепится, но он стал слать телеграммы, а потом прилетел. Но я уже свалила на каникулы домой, в комнате была одна Грассиха, хвосты сдавала. Наверняка она ему наплела про меня, что я стерва, и хотела отбить. Ариф улетел, оставив записку: «Света, ты не права! Ариф». Как просто! -я обрадовалась.

Грассиха пела мне:

– Ну, ты и жопа! Такой кадр! -одет так, красивый, богатый, семья знатная! Привез кучу – торт, конфеты, шоколад, шампанское, фрукты, а ты усвистела! Он так любит тебя, балда!

– Ну, не нужен он мне, не хочу в Баку, себе зацепила бы!

– Да на фиг я ему! Чай пить не стал, все оставил, погоревал и исчез. Чтоб не пропало, я все съела. Дура! – вся в шоколаде бы была!

– Знаешь, Люсенька, можно, наверное, жить без любви. Но если она была, то на меньшее я не согласна, ты уж поверь!

– Да знаю я тебя, что взбрело – не своротишь. Не пожалеешь?

– Лучше что-то не сделать и жалеть, чем сделать, а потом всю жизнь каяться.

Летом началась строительная практика. Как-то мы с Валея, после дня рождения, который отмечали до полночи, еле притащились на работу. Меня послали белить потолки в санузлах, где я привела себя в порядок ледяной водой из-под крана, приняла душ из шланга. А Валею отправили на улицу красить газгольдерную установку на солнцепеке. Она была еле живая от нитрокраски. Я примчалась к ней, опрокинула на голову полведра воды и оттащила в тенечек.

Потом нашла прораба Леню и уговорила отпустить нас домой. А этот Леня имел глаз на Стрельчиху, он пригласил нас в гости к приятелю, у которого жена и дети уехали на море. Молодой Стас был управляющим треста, вальяжный крепыш, любимец женщин.

В роскошной огромной квартире его была стереосистема. Стас развлекал нас – пробежал ногами по стене до потолка и, сгруппировавшись, падал, приземляясь ногами. Я ему показала свой приемчик самообороны от Валерки Сухорукова. Правда, неудачно, Стас бережно крутанул меня, и прижал к себе так, что я запищала. Пока мы занимались этими фокусами, на кухне взорвались две закрытые банки тушенки, которые Леня поставил на огонек. От страшного грохота мы рванули на кухню. Красивый интерьер был испорчен брызгами мясных ошметков. Зрелище было еще то! Но Стас достал из холодильника все вкусное и дефицитное.

С тех пор я не расставалась со Стасом. Веселый и внимательный, с ним было легко и интересно, я привязалась к нему. А через месяц вернулась его семья, и я прекратила встречи. Не надо мне любовных страданий и семью разрушать не буду! Он хотел снять квартиру, но быть любовницей на содержании? – ну нет! И решительно ушла прочь.

Снова учеба, проекты, зачеты, и опять вскоре мимолетный роман. В институте меня догоняет красивый грузин Валико, из-за которого девки сходили с ума. А я уже отрастила конский хвост и встряхивала этой рыжей гривой. И Валико не устоял, когда мой хвост порхнул перед ним, обалдуем. Раньше не замечал, а тут:

– Девушка, как Вас зовут?

Свидание назначил. Я подумала – да пошел ты, ловелас заштатный и на свидание не пошла. Он тогда стал случайно попадаться мне на глаза и звал в кино, в ресторан. А я все отнекивалась – занята, не могу! Думала – насколько его хватит? Неделю пудрила мозги, а потом пожалела грузина – он не обижался, улыбался, уверенный, что уломает меня, смотрел горячими глазами, и я согласилась на ресторан.

После ресторана пошли к его другу. Друг сразу собрался куда-то, и мы провели веселую ночь. В перерывах между любовью Валико сажал меня на спину и на четвереньках бегал по квартире, я хохотала и стегала его ремнем, а он фыркал как мерин. Сажал на плечи и носился по квартире так, что я чуть не сбила головой хрустальную люстру, таскал меня как куклу. Я визжала в восторге, а он рычал, целовал и тискал меня. По субботам его соседи по комнате уезжали домой, и мы проводили ночи вместе. А потом пошли зачеты и я сказала:

– Валико, давай расстанемся. Спасибо за любовь, но зачем тебе это? Ты парень видный, девки от тебя без ума, а я старше, и не люблю страдать, ревновать. Нам было хорошо, но давай расстанемся, мой дорогой.

Валико погладил мой рыжий хвост, поцеловал, улыбнулся, медленно отступил, и пошел, не оглядываясь. Все понял!

Сколько потом было случайных встреч, флиртов... Они проходили, не зацепляя. Разрывались отношения – я не горевала! – спасибо за любовь и адью!

А во время подготовки к защите диплома на вечеринку к Жене Прохорову заскочил парень, Жора Волков, Женя звал его Американцем. Похожий на Юла Бриннера, он носил с особым изяществом широкополую серую шляпу, прикрывая ею совершенно лысую голову. А еще он в лотерею выиграл Москвич! Вот такой везучий, всем хвастался документом этим. Мы с ним ездили каждый день на Медео. У него всегда было что-то вкусненькое, дефицитное. Дело в том, что Жора преподавал английский в тюремной школе, там платили больше. Про тюремную жизнь много интересного рассказывал, я понабралась много интересных словечек из тюремного жаргона, но использовала его только ради развлечения. Ушлый Жора еще и катал на своей машине тюремное начальство, за что они ему подкидывали дорогую дефицитную еду, как видно, ворованную из посылок заключенным сидельцам. Диплом на носу, а я по горам раскатываю, любовь кручу! Жора катал, катал меня 2 недели, а потом я получила стипендию, и он выпросил 10 рэ на бензин. Получила перевод от мамы, он подвез до общаги, и просит пятак подкинуть. Ну, тут я не стерпела и выдала:

– Да катись ты к чертям собачьим, лысый петух бесхвостый!

Сдернула с его голой башки шляпу и задулила в арык. Выскочила, и рванула на крыльцо. Юл Бриннер! – козел!

И вся любовь!

ПОЗОВИ МЕНЯ

В 1969 году, получив диплом архитектора, я по направлению поехала с подругой Валентиной в Военморпроект – вч 31072 во Владивостоке, мы его звали Фирмой. Проектировщиками там работали выпускники ВВИМУ Ленинграда и гражданские женщины. Нас поселили в гостинке для молодых специалистов, на Эгершельде, недалеко от Фирмы. Из окна гостинки была видна бухта Золотой Рог. Блеск! Работа была интересная. Первая моя работа была по фасадам и интерьерам строящегося штаба Тихоокеанского флота на берегу бухты Золотой Рог!

Город был невыносимо прекрасен! Дома на улице Ленинской в стиле Русского модерна, словно Шехтель поработал. Голова так и заворачивалась смотреть на эту красоту. Куда там нынешним посохиным? – муть серая! По выходным загорали на пляже Амурского залива в ста метрах от нашего дома.

В начале сентября мы пришли с Валентиной домой на обед. Денег пред зарплатой хватило купить только банку кальмаров и батон. Подходим к двери комнаты, а она открыта! Входим. В моей кровати кто-то лежит под одеялом, рядом на стуле аккуратно сложена мужская одежда. Я взвизгнула:

– О, Боже, неужто кого-то мужского пола Ты послал мне прямо в мою кровать?!!

И точно! – мужик! Проснулся, потянулся, повернулся, глаза протер и сказал:

– Привет, красавицы! Я в этой комнате жил до отпуска, вот, прилетел, пока все на работе – приземлился. Да вы проходите, не стесняйтесь!

– Ну, спасибо! А это ничего, что мы здесь живем?

– Потерплю, обещаю освободить Ваше ложе до вечера.

– Да, неплохо бы! Я свою койку делить с Вами не собираюсь! Пообедаете с нами? – правда, у нас перед зарплатой скромно, по-студенчески.

– Ничего, у меня в портфеле колбаса, сыр и масло. Отвернитесь, оденусь.

Представился:

– Честь имею! Слава Шефер – капитан второго ранга, зам начальника ВЧ, главный инженер проектов.

Пообедали, Слава сказал:

– Приглашаю после работы отметить знакомство, приду с другом.

– Отлично! Только у нас сухой закон, выпивона не достать.

– Нет проблем, на Русском острове есть все!

После работы Слава с капитаном проектировщиком из нашей фирмы Лешей ждали нас у щедро накрытого стола. Бравые ребята развлекали нас анекдотами, пили водку и шампанское, У нас был проигрыватель и одна пластинка с Муслимом Магомаевым. Когда Муслим пел песню «Позови меня», Слава сказал, что это его любимая песня. Мы танцевали, Слава со мной, Леша с Валеи. Я сходу влюбилась в Славу. До поздней ночи веселились, потом мы со Славой ушли в другую гостинку, у него был ключ, который ему оставила пара, уехавшая в отпуск на полтора месяца.

Так началась наша любовь. На Камчатке у него остались жена и десятилетний сын, брак распался и он перевелся к нам. Приходилось скрывать свои отношения – начальство же, к тому же Слава – парторг любимой партии, строго следящей за чистотой рядов своих, а он женат, формально не разведен. Да разве что утаишь? Все только делают вид, что не замечают.

В октябре молодых специалистов переселили в новый 9-этажный дом, построенный прямо на берегу Амурского залива. В первых трех этажах были гостинки для одиноких специалистов, а на остальных этажах были квартиры. Меня поселили в 12-метровую гостинку, Валентина осталась одна в той, где мы жили. Слава получил квартиру на пятом этаже.

Из окна моей комнаты был виден Амурский залив. Закаты заходящего за сопочки солнца на западной стороне залива были обалденные, я писала акварельки и дарила их.

Слава был на десять лет старше меня. Чуткий, внимательный, интеллигентный и хрупкий на вид, он имел сильный характер, нахимовец, учился в ВВИМУ Ленинграда. Он очень любил меня. Но встречались мы тайно. Праздники он встречал с семейными друзьями, я с девчонками. Иногда ходили в ресторан, кино, гуляли по городу, на набережной.

В доме был отдельный вход в квартиры и отдельный в ту часть дома, где размещались наши гостинки. В цокольном этаже была огромная Ленинская комната, где мы долбали шарики в пинг-понг, собирались к телевизору болеть за хоккей, футбол и фигуристов, справляли дни рождения и праздники, крутя пластинки на радиоле Галки Мониной. Наши гостинки были с санузелом, раковиной в комнате в отсеке, встроенный шкаф для одежды, обставлены столами, тумбочками, радио и кроватями, раз в 10 дней меняли белье.

Галка Мониная, одна из нас имела шикарную радиолу. Маленькая толстушка с огромной копной рыжих волос и кучей конопушек, обсыпавших ее доброе личико, как и я тоже жила одна. Всегда с сигаретой в руке, она разговаривала, украшая речь отборным матом, который, однако, странным образом у нее звучал как-то ласково и не грубо. К ней можно было ввалиться кучей после ресторана «Волна», куда девки ходили гурьбой и возвращались продолжить кутеж. Подойдя к ее двери, я запевала жалостно, а девки подхватывали:

– Мونها, Мونها, что мы будем делать, коль начнутся зимни холода? У тебя нет теплого платочка, у меня нет зимнего пальта...

Мونها открывала, и мы заполняли шесть квадратных метров Галкиной комнаты. Крутились пластинки, мы пили, пели песни, курили – балдели. Ночью бежали к заливу и купались голышом. Флюоресцентные искры морской воды сказочно вспыхивали на волнах и наших телах.

Уже прошел Новый год и другие праздники, которые мы со Славой праздновали отдельно друг от друга, встречаясь только по ночам. И наступили майские праздники, Слава улетел на Камчатку, где жила с сыном. Каждый день по дорожке от дома до берега залива, потом по шаткой лестничке, мы спускались к пляжу. Там, на крышах лодочных гаражей, загорали. Вечерами ходили на берег, где рыбаки пекли на костре корюшку и угощали креветками, распотрошив которых, макали в морскую воду и ели живьем.

Я жутко тосковала по Славе. Напала бессонница. В башке что-то бзикнуло, я села и написала: «... не могу больше, надоело прятаться! Я люблю тебя, но мы не можем быть вместе, и у тебя сын-сердечник, он тебя любит, а ты...! Я так не могу, ухожу от тебя!» И далее плела всякую чушь! Кинула письмо в его ящик. Когда Слава вернулся, ко мне не зашел. Не виделись месяц, только встретились как-то на лестнице на работе. Он остановился, я застыла, но потом все-таки протопала мимо, на повороте заметив – смотрит мне вслед. Через некоторое время в пятницу, после дня рождения у одной девицы, который окончился после полуночи, я не выдержала, примчалась на такси и пошла к нему. Он открыл дверь, жестом показал войти. Я видела – обрадовался! Но молчит. Я молча прошла в комнату, он принес из кухни бутылку вина, конфеты и бокалы. Сели в кресла у журнального столика, выпили. Не сразу заговорили. Потом он спросил:

– Ты откуда?

– Отмечали день рождения у Семиной.

И снова замолчали. Я не выдержала, встала и вышла на лоджию. Море с грохотом катало волны, небо было фантастически красивым! Ноздри трепетали от запаха моря. Слава подошел и тихонько, осторожно обнял меня. Я повернулась и со стоном прижалась к нему. Слезы капали!

– Славочка, прости меня, дуру, дорогой мой, любимый! Я люблю тебя и не могу без тебя! Прости!

Ах, как мы целовались! Примирение произошло без лишних слов. В четверг через неделю Слава сказал:

– Иду на день рождения, вернусь поздно. Приходи завтра в десять.

Без пяти десять я стояла перед зеркалом, прихорашиваясь. И вдруг по радио Муслим запел любимую Славину песню «Позови меня». Я застыла. Какое-то дьявольское наваждение вдруг толкнуло меня! – а чего это я побегу? Был на дне рождения без меня, пусть сам придет, если любит! – и не пошла. Но ждала, долго ждала! А Слава не пришел!

Рано утром в субботу ко мне прискакали Валентина с Татьяной и мы умчалась на пляж. Я с гаражей все поглядывала на Славину лоджию, он не появлялся. Нажарившись под солнцем до полудня, мы с девками вернулись ко мне. Я сказала:

– Сбегаю, Шефера позову, вчера не виделись, я не пошла к нему, а он не пришел! Пойду, узнаю, может, заболел? У него бутылочка винца найдется.

Звонила-звонила, стучала в дверь – тишина! Потом бегала не раз до позднего вечера! – нет ответа! В воскресенье – тоже тишина. Мне уже было плохо. Кляла, винила себя, дуру! – что-то случилось!

Утром на работе приходит Славин друг:

Светлана, где Слава? Его нет на работе.

Сердце екнуло! Заикаясь, пролепетала:

– Я дд-ва дня его н-не – ви-идела...

– Да? – значит, что-то случилось! Пойду, на лоджию к нему от соседей залезу.

Мы с Валентиной поскакали следом. У подъезда дома я остановилась. Ноги дрожали, сердце колотилось. Я прислонилась к стене, сказала:

– Подожди! Дальше не пойдем – мне страшно!

Подъехал грузовик. Открылась дверь подъезда и четверо мужиков вышли, неся в закутанное в пледе тело Славы. Погрузили на грузовик и уехали. Я закрыла глаза и зарыдала, меня трясло.

Через день хоронили Славу. Сначала доехали до военного госпиталя, забрали закрытый гроб, потом поехали на Морское кладбище. Я всю дорогу рыдала, не в силах сдержать слез. Народу было много, военные моряки, работники Фирмы, женщина в черном у красного гроба с кортиком на крышке – жена.

Прощальные речи закончились, матросики стрельнули три залпа из винтовок и толпа пошла к могиле. Сзади меня знакомая любовница особиста зашипела мне в ухо:

– Это он из-за тебя умер, Светка! Сердце схватило, и никого не было, чтобы помочь!

А я это и без нее знала, и безостановочно лила слезы, стирая их мокрым платком с горящих щек. У гроба, кинув горстку земли на гроб, глянула на вдову. Неприметная женщина с сухими глазами пристально посмотрела на меня, ревушую.

Потом были поминки в Ленинской комнате. Мы с девками посидели немного, и ушли к Моньке допивать прихваченное вино. Я курила и, сидя у окна, глядела в ночь. Казалось, что вижу то же небо с луной, облаками и море, что было в ночь, когда я примчалась к Славе каяться. А потом захотела испытать его и ждала, сама не пошла. А ведь это он звал меня песней Муслима! – и не дождался, решил, что я не люблю его и обманула! Не дождался и умер! – большая, хрупкая и нежная любовь моя!

АРСЛАН

В ноябре из профкома мне подкинули путевку в Дом отдыха ЦК КПСС в Мисхоре. Я уже работала на Севере, и свой большой северный отпуск делила пополам, проводила осенью и весной. У нас в это время зима и темень, а я наслаждалась теплыми денечками в Крыму или Абхазии. Дом отдых размещался в трех зданиях. Два красивых замка в стиле модерна Шехтеля и современный корпус, куда меня поселили в одноместный номер с лоджией на седьмом этаже. Там был столик и тахта, а внизу с тихим шорохом плескались волны о стену открытого бассейна. Блеск! Я принимала массаж, бассейн и ультрафиолет. Вставала в шесть утра, бежала на разминку, потом в крытый бассейн, выплывала из него наружу и насаждалась холодной пятнадцатиградусной морской водой.

Разыскала шахматный и теннисный столы. Перворазрядница, я спокойно обыгрывала в шахматы мужиков. В теннис мне тоже не было равных, я ведь левша, была так, что правшам не отбиться, и подача убойная. Мужской контингент был в смятении – девица с рыжим хвостом давала фору большинству игроков! Появились поклонники. Но я пока не спешила.

В это время отдыхали секретари парткомов, летчики, горделиво ходившие в синей форме, бабы-учительницы и из общества «Знание», немного знатных колхозников и шахтеров.

На первом этаже был бар, где я познакомилась со стюардессой Ноной. Нагулявшись, и налюбовавшись окрестностями, мы ели мороженое и пили винцо. И тут появился Он. В сером модничем твидовом пиджаке с разрезами на боках, белой рубашке и белых брюках. Копна черных волос и орлиный профиль гордого кавказца привлек наше внимание, как только он вошел – красавец, киногерой! Мы с Ноной даже забыли, о чем говорили. Он прошел к стойке бара и заказал коньяк с орешками. Осмотрелся, заметил нас и направился к нам.

– Можно к вам, красавицы?

– Вполне, развлекайте нас, сэр!

– Я Арслан из Махачкалы, а вы откуда прилетели, птички?

Познакомились. Он, не смолкая, что-то говорил и глядел на меня. А я как будто вылетела из реальности, но быстро очнулась и обрела привычное состояние уверенности. Он интересно рассказывал о местных достопримечательностях, был здесь не раз. Когда мы покончили с мороженым, Нона, что-то поняв, деликатно сказала:

– Извините, я вас оставлю, мне пора.

Я тоже попрощалась и пошла за ней, но Арслан задержал меня, взяв мою руку:

– Светлана, подождите!

Встал, пошел за мной и остановил меня в тамбуре между стеклянных дверей. Нона обернулась, все поняла, махнула рукой и ушла. Арслан положив руки на стекла тамбура, заключил меня в круг, и стал говорить:

– Пойдем к тебе, я живу не один. Я люблю тебя!

– Шустрый какой, любит он! Отпусти, дай пройти!

В баре было еще трое посетителей. Барменша с интересом глядела на нас. Мне было неловко, а Арслан не отпускал рук, не давая уйти. Мне вдруг стало смешно, я захохотала. Это его отрезвило, он отпустил меня, и мы вышли на улицу. Он все уговаривал – пойдем да пойдем и я согласилась погулять с ним до обеда. Он, укрощенный, вел себя уже сдержанно. После обеда догнал меня и говорит:

– Давай съездим в Ялту, погуляем по набережной.

Мы вышли с территории на дорогу. Автобусов не было, пролетающие мимо машины были переполнены и мы с трудом дождались такси. Но там было только одно незанятое место сзади. А таксист говорит:

– Машины не пропускают, за нами авария. Садись, кацо, возьми девчонку на колени, доедем, или ждать будете неизвестно сколько.

Пришлось согласиться. Арслан усадил меня на колени и обнял меня. Так я и ехала у него на коленях до Ялты, а он нежно прикасался ко мне щекой и губами. В Ялте на набережной он заказал художнику и подарил мне мой портрет. Портрет получился классный. Потом дошли до какой-то парикмахерской и он сказал:

– Подожди, я по делу на пять минут.

И вошел один. Дверь была открыта и я слышала их разговор с парикмахером. Они говорили о коньячном спирте, который должен привезти один человек, речь шла о бочках. Потом Арслан вышел. Я спросила:

– Что за спирт?

– Подслушала? Я парторг на винзаводе Махачкалы, ищу покупателя. Дела, они и в отпуске дела!

А потом он все-таки напросился ко мне в номер и мы оказались в постели. Кто-то стучал в дверь. Наверное, Нонна искала меня, но нам никто не был нужен.

Арслан рассказывал мне про Дагестан, много интересного. Звал в гости. Он развелся с женой, жил один, детей нет. Мы несколько дней не расставались. А потом он внезапно пропал. И нигде его не было, даже сосед не знал. Я снова ходила с Ноной, играла в теннис и шахматы. А незадолго до отъезда ко мне вдруг приходит мужик с портфелем.

– Вы Светлана?

– Да, а что такое, Вы кто?

– Следователь. Вы были знакомы с Арсланом Мирзоевым?

– Да, а где он?

– Его убили.

Ничего себе!

Следователь рассказал:

– Арслан нелегально продавал спирт с Махачкалинского винзавода. В Ялте у него был покупатель. Вы не знаете, куда он ездил, в Ялте с ним были? Расскажите все, что знаете.

Вот оно что! Под маской секретаря парткома завода скрывался обыкновенный уголовник. А я с ним любовь крутила! Я все рассказала следователю про парикмахерскую, даже запомнила, где мы были. Следователь поблагодарил меня и попросил не рассказывать никому о нашем разговоре.

– Спасибо Вам, Светлана! Думаю, что с Вашей помощью мы, наконец-то, найдем преступника, нам так не хватало этой ниточки.

Вот такой детектив! Как хорошо, что я куда-то не влипла! Арслана было, конечно, жалко. Но, черт возьми! – он, такой киногерой, оказался уголовником.

ВРЕМЯ УЧИТЬСЯ И ВРЕМЯ ВЕСЕЛИТЬСЯ

В Алма-Ате жил многонациональный народ. Не перечить тех, кто в сталинские времена остался в Казахстане после лагерей. В нашей группе были русские, казахи, китайка, немец, узбеки и украинец.

Интересно было наблюдать, как вживаются в студенческую жизнь абитуриенты. Например, приехал в скромной курточке русский Степа из села. Он упорно грызет науку и калымит, по ночам разгружая товарняк. В наше время было принято ходить в костюмах и рубашках с галстуком и Степа не скоро, но все же приобрел приличный костюмчик.

А казахи из аулов были другие. Я заскочила как-то в одну комнату за солью и увидела, как сидя на кровати и поджав ножки как козочки, две казашки-первокурсницы шарили друг у друга в волосах ножом. Абитуриентам, приезжающим с гор, проводили профилактику против педикулеза – выводили вшей, но, видно, недостаточно было. Девчоночки были в цветастых ситцевых платицах, из-под которых виднелись тоже цветастые ситцевые рейтузы.

Приезжающие из аулов парни-казахи были одеты очень простовато. Но скоро казахи из аулов фантастически быстро преобразались! Парни облачались в дорогие черные костюмы и белые рубашки с модными галстуками, как битлы. Девчонки из пугливых козочек превращались в знающих себе цену ланей. Сооружали из волос бабетты и сэссун, красили веки так, чтобы глазки-щелочки были как у Одри Хепберн. Закинув ногу на ногу и приоткрыв бедро короткой юбки, картинно курили БТ. Родители их пасли в горах овец и коней и получали денег немерено. Своим деткам денег посылали столько, что хватало ходить в ресторан и водить в ресторан «негров» вроде меня, которая делала картинки проектов фасадов для строителей.

А мне моя мама-портниха шила мне красивые платья, доставая по благу импортную одежду, ткани и обувь. Мои рыжие волосы с модной стрижкой или конским хвостом, голубые раскосые глаза и монгольские скулы производили впечатление. Я лихо отплясывала и пела, так что у меня не было недостатка в поклонниках, и я часто их меняла, не привязываясь надолго. Любовники переходили в друзья. Наш приятель-кореец Виталик Когай звал меня Софи Лорен и светской львицей.

У меня был друг Женя Прохоров, преподаватель английского, он жил в нашей общаге. С детства ходил на костылях, но – умница, веселый и остроумный, знал три европейских языка. Научные работники всех мастей заказывали ему переводы и, зная его любовь к музыке, привозили из-за рубежа пластинки и даже стереосистему. Так я узнала Элвиса Пресли, Луиса Армстронга, Кросби, Синатру, Рэй Чарльза, Чаби Чаккера, Боби Дилана, Эллу Фицджеральд, французов...

К Жене приходили интереснейшие друзья, и под томительно-нежные блюзы с синкопами, рок-н-ролы и джазы, пили портвейн, ведя бесконечный раскаленный треп до полуночи про стихи, книги, кино, политику и искусство. Пели песни Булата и Высоцкого, блатные лагерные песни. Женя был заметно влюблен в меня, но понимая, что шансов у него нет, стал верным другом. И я была счастлива в обществе его друзей, которые были не чета многим студентам, как короли над плебеями. Я впервые пришла к Жене, когда услышала потрясающую музыку, доносившуюся из двери его комнаты. Подошла, послушала и постучала. Он открыл дверь и раскинул руки:

- Откуда ты, дивное небесное создание?
- Живу я здесь! – архитектор Светлана Левая.
- Левая – это кликуха что ли?
- Фамилие мое.
- Ну, проходите, красавица, чем обязан?

– Музыка у Вас классная, хочу познакомиться.

– Я рад, Евгений.

– Можно на ты?

– Надо! Буду звать тебя Свечкой. Слушай, а приходи на мои вечеринки. У меня бывают классные пижоны, не лишённые чувства юмора, а ты будешь единственная, да еще и красивая женщина.

– Музыка у тебя – блеск! С ума сойти!

Друзья его, ярые интеллектуалы, ученые, врачи, приносили вино, книги самиздатовские, дефицитные пластинки, читали стихи под музыку, споры обо всем кипели до полуночи.

Учиться было безумно интересно! Основные дисциплины по специальности – живопись, рисунок, скульптура – одно удовольствие! А вот диалектический материализм, марксистско-ленинская эстетика и еще какая-то белиберда, были жутко скучной хренью и не понятной, как все работы лысого вождя. Преподаватель Дзюба понимал, что эти науки невозможно впиндюрить в наши девственные мозги, и требовал для сдачи зачетов только конспекты. И мы старались что-то писать на лекциях. Даже если очень кратко, он зачеты принимал. Даже сопромат, который преподавал Юлий Давыдович Рат, родом из Швейцарии, не напрягал, Рат учил нас легко решать задачи. Только тупые, вроде казаха Тулендэ, не соображали. Однажды Рат заболел и нас прикрепили к строителям по сопромату – мы были в ужасе! И когда он выздоровел, мы обрадовались.

Староста Витя Селин и я лихо щелкали задачи с эпюрами. И у меня возникла идея. Я была еще та авантюристка! – жизнь же веселее, если добавить игры.

– Витюха, а не поможем ли мы нашим коллегам с ровными извилинами решать задачи? Бутылка от строителей и шоколадка от наших, а?

– А чо! – я за!

– Йес, сэр! Время пошло! Люська, лови клиентов!

Грассиха сбросила книгу с живота, потянулась, спустила ноги с кровати и пригрозила в обычной манере с используемым любимого словечка, которое ей, как у Элочки-людоедки заменяло многие слова:

– Ну, Светка, смотри, подведете – я вам такую жопу устрою!

– Ну, спасибо! И тебе того же – тем же местом по тому же месту, курочка ты наша!

Грассиха накликала клиентов, мы зарядились пахать, а девки полегли на кроватях. К десяти часам стол был уставлен «валютой». Мы с Витюхой заработали восемь бутылок портвейна, семь шоколадок и махонький пражский торт.

Девки соскочили с лежбищ, нажарили картошки и мы вдоволь повеселились. Разошлись, когда перепели все песни и поплясали под Дина Рида и «Джонни» Марлен Дитрих.

Живописи, рисунку и скульптуре мы учились один день в неделю у заслуженного художника Казахстана Кенбаева, огромные картины которого в стиле грековцев, были в Художественной Галерее. Кенбаев к нам относился как отец. Однажды повел на стадион, где тренировались спортсмены перед олимпиадой в Мехико, где мы делали зарисовки. И мы балдели от мужеподобных Тамары и Ирины Пресс, Валерия Брумеля и других чемпионов мира. Полдня провели на трибуне возле поля. Кенбаев выдал деньги и наши тяжеловесы Боря Бойко и Тулендэ притащили авоськи с кучей пирожков и лимонадом.

На занятиях по рисунку и живописи писали натюрморты, обнаженную натуру, старались передать силу и слабость мышц, морщины, красоту молодого тела.

Проекты по архитектурному проектированию, я переделывала по несколько раз, натягивая новый подрамник, постоянно метаясь в поисках вариантов, пока сокурсники мусолили свое единственное решение. Делала все быстро и азартно. И однажды меня занесло в обалденный экстрим с подачей фасадов. Ползла в какой-то оранжевый цвет, пыталась потом исправить, но картинка непоправимо приобрела цвет детского поноса. Девки балдели!

К вечеру, когда я свой шедевр заперола окончательно, появился Вовочка Экк с подрамником. Высокий, с пышной шевелюрой красивый мальчик всегда сомневался. И уговорил меня:

– Светик, помоги, не знаю что делать, – заперю!

Ну что ж, потренируюсь на Вовочке, свой проект не спасти, потащу к Туманяну на рассмотрение. И я сделала такое, что Вовочкин проект засверкал!

Утром мы предстали перед мэтром. Моя подача – жуткое фуфло, но деваться некуда! Интересно, как он меня умоет? Лезу под гильотину.

Туманян, давая задание на проект жилого дома, говорил:

– Я вам завидую! Вряд ли вам придется еще раз проектировать индивидуальный дом, где можно раскрыть свои способности в наибольшей степени. У нас не принято строить такое жилье, мы зажаты рамками градостроительных стандартов. Так что проявите фантазии, проект должен быть шедевром архитектуры.

Я и запузерила шедевр, который на первом просмотре Туманян похвалил. У меня была отличная планировка дома с мансардой, атриумом, бассейном, гаражом и спортзалом в цоколе дома, интересное ландшафтное решение. А подачу фасадов заперола. Туманян непременно опозорит меня перед всеми, раз понесло овцу рогами на ворота. И я не полезла с проектом первой, нутром чуя, что нахожусь в глубокой дыре.

Туманян смотрел проект Людэ Трубачевой. Красивый и элегантный, он делал из консультации спектакль, наполненный убивающим наповал сарказмом, острым юмором или похвалой. Трубе досталось. Туманян радостно потешался:

– Коллеги, обратите внимание на проект, и скажите, кто хочет жить в комнате в два с половиной метра на шесть? Это же не комната! – это коридор, душечка!

Не дожидаясь ответа от полыхающей и каменеющей Трубы, продолжил:

– Господа, а я бы построил этот дом! И поселил в него автора, водил бы экскурсии, чтобы показать, каково ему там живется. И что это за туалет такой махонький, дорогуша, а?! – да туда же русская красавица Марь Иванна не влезет со своими роскошными формами! Придется, милочка, поднапрячься и все исправить, иначе...

Когда я сунулась со своим подрамником, то уныло ждала, пока Туманян с неопишным изумлением все рассматривал, а все старались удержаться от смеха. Потом он начал:

– Проект отличный! – но!

Это он сказал со страдальческим нажимом, и замолк. А потом выдал со смаком, так, что захихикали все:

– Эт-то что Вы тут намешали, милочка?! – потрясающий образец полнейшей, классической безвкусицы! Это даже неприлично – такую пошлость изобразить. Я огорчен! – переделать! И чтобы никаких сюр и прочих измов!!! Оттачивайте вкус в классике! Я не понял, что Вы хотели сказать этой подачей? – объясните, наконец!

– Извините, Юлий Богданович, занесло! – абсолютно согласна – поштина и безвкусица, исправлю.

Настала очередь Вовочки. Туманян любовался. Однако, вздохнув, сказал:

– Да-а! Прошу обратить внимание на контраст между проектным решением и безупречной подачей фасадов. Вот так надо работать кистью! А остальное исправляйте – это не архитектура!

Боря Бойко ржал, зная, что подачу Вовочке делала я, способная на безумную пошлость. Капля меда от Туманяна Вовочке все же подсластила мою бочку дегтя. А я все потом переделала и получила пять с плюсом. Урок не прошел даром, на всю жизнь запомнила!

ОТЕЦ

В сороковом году мои родители, которые жили в Хакасии в поселке ЦЗЗ, встретились и поженились. Мама моя Тоня Бугаева работала официанткой в столовой, отец Саша Харламов был бухгалтером. А в июне сорок первого года на площади возле громкоговорителя собрался народ и все узнали, что началась война! Вечером к Харламовым пришел военный и, козырнув, показал Саше какую-то бумажку и сказал: – Срочно собратся!

Саша собирал вещмешок, поглядывая на жену. Она сидела на кровати, выставив огромное пузо, сморкалась и тихо лила слезы. Он ушел на войну, оставив молодую беременную жену. После его ухода Тоня долго рыдала, потом собрала вещи и ушла жить к родителям бабе Оле и деду Евдокиму. Поняла одно – Саша ушел воевать и неизвестно, вернется ли с войны. Он ушел, как оказалось, навсегда. Судьба его круто изменилась и сломала ему, двадцатидевятилетнему, счастливо начавшуюся жизнь, разлучила с любимой женой, которая должна была родить и жить без его помощи. Я родилась 7 августа сорок первого года, в день Успения Праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, как им предсказала цыганка.

Как же горько было у отца на душе! Страшное предчувствие не покидало его всю дорогу до Тюмени, где он оказался в командном училище. Мама ждала моего отца до конца войны, но после победы он не вернулся, и вестей от него не было до сорок шестого года, когда мама встретила с одним знакомым. Он сказал, что был с Сашей в концлагере в плену у немцев с сорок второго года:

– Союзники нас освободили. Может, он во Франции или Америке, многие так делали, возвращаться в Россию боялись, многих отправляли в лагерь. Эта новость была настолько неожиданной, что в нее было трудно поверить. Знакомого вскоре забрали в НКВД и увезли в неизвестном направлении, следом за ним отправилась жена. В сорок шестом году мама вышла замуж за Левого Петра Георгиевича, главного энергетика ЦЗЗ. Вскоре после этого она получила письмо от отца. Его тайком от Петра Георгиевича принесла баба Оля. Мама узнала, что отец находится на поселении в Печоре, куда был определен после госпроверки за то, что попал в плен к немцам. Мама нарevelась вдоволь, прочитав письмо, но потом остыла и, хорошо все обдумав, приняла решение – поехать к отцу не захотела:

– Он хочет, чтобы мы со Светочкой разделили его судьбу? – не думаю, что ему от этого будет лучше. А нам какво? Нет уж, жизнь одна, у каждого своя судьба. Дочерью я не могу пожертвовать ради мужа. Прости, Саша!

То, что мама выбрала Петра Георгиевича, подтвердив факт отречения от отца, спасло ее и меня. Мама не была репрессирована, а я не была отправлена в детский дом. Господь отвел нас от этой участи. Страшная судьба членов семьи изменников Родины нас миновала. А Петр Георгиевич, узнав о том, что Саша Харламов жив, забеспокоился и решил увезти нас с мамой в Башкирию, в Миндяк, куда его звал друг. Что мы и сделали. С нами поехала мамина подруга, моя няня Леля-Дуся.

Как потом оказалось, мой отец Александр Харламов не пропал без вести. По окончании Тюменского пехотного училища в августе он был направлен на фронт. Служил командиром взвода в стрелковом полку в звании лейтенанта в составе 62 армии генерала Еременко. Она первой сдерживала врага на подступах к Сталинграду, приняв на себя всю тяжесть вражеской атаки, была окружена немцами, и 18 августа 1942 года в районе станицы Нижне-Черская на подступах к реке Дон отец был ранен в голову и попал в плен. Сколько их было, этих несчастных русских солдат, которых гнали в концлагеря по дорогам России и Европы? Сколько было понастроено этих лагерей? Отец попал в лагерь на Одере и провел там три года. Он был физически крепким и выносливым, поэтому его не отправили в газовую камеру вместе с несчаст-

ными доходягами. Его бабка была знахарка, она умела лечить травами и заговорами. Отец много чего знал от нее, и это ему пригодилось в тех нечеловеческих страшных условиях лагерной жизни. У него было чутье зверя. Этим чутьем он зря не растрчивал физические и психические силы, живя в ладу с лунными ритмами, как это умели делать древние, и как это делают животные, чувствуя таинственно роковое, безусловное влияние Луны. Это спасало и хранило отца, несмотря на адскую пляску смерти вокруг. Сокровенные знания его бабки непостижимым образом всплывали в его сознании, приходили в мимолетных обрывках снов, помогали ему жить и выживать, охранительно подсказывая правильные действия и предупреждая о том, что будет вредным и опасным в этом мире зла и рабского скотского существования. И он молился, молился, вспоминая молитву бабки, повторял ее и укрепляя свой дух: «Царица моя преблагая, надежда моя Богородица, зриши мою беду, зриши мою скорбь, помоги мне, яко немощну, окорими мя, яко странна, обиду мою веси разреши ту, яко велиши, яко не имам иныя помощи, токмо тебе о, Богомати, яко да покрывши мя и сохранивши во веки веков. Аминь!» Бабка говорила всегда: «Главное в жизни – здоровье. Надо заставлять, чтобы все работало в теле – голова, внутренности, глаза, руки, ноги, пальчики. Без работы все становится ненужным, болеет и помирает. Есть надо мало, и смотреть, когда животные едят, когда пьют, а когда их не заставишь что-либо проглотить. Вот так и нам делать надо! Бог не зря нас поселил на Земле – всякая травка, листочек, цветочек корешок не зря растет. Там, где живешь это все лекарство, еда наша живая и здоровая!».

Отец это вспоминал, делая тяжелую работу, и перед глазами его всплывало темное от загара, морщинистое лицо любимой бабушки, белый платочек на голове и яркие васильковые, по-детски сияющие глазки, всегда глядевшие с любовью, нежно и ласково. Он сберег себя бабкиными знаниями, искал выход в любой ситуации, и сохранил выносливым, сильным и здоровым свое тело, питая его травами и закаляя тяжелым физическим трудом. Оттого-то, видно, его и не отправили в страшную печь крематория, как ослабевшего и не способного работать.

В Германии зима не такая, как в России, и он смог сберечь себя. Только его светлые волосы стали белее снега, но брови остались черными над небесно-голубыми глазами. Он сохранил свои зубы, чистя их солью. Он всегда жевал и ел разные травы, цветы, листья. Лебеда, полынь, спорыш, клевер, заячья капуста, крапива – этого добра везде хватало.

Почти два года отец был на каменоломнях, потом – конюхом в поместье у немцев. В лагере вызвался быть старшим барака, чтобы никакая сволота не мешала жить. Собрал группу из мужиков, и они многих спасли от гибели. Не всегда все, однако, получалось, как надо в этом страшном мире, где главное было – выжить. Многие считали его предателем. Однажды он встретил одного энкаведешника, который в юности на Дону забрал отца за драку и пытался сделать из него стукача. В лагере у него произошла неожиданная встреча со старым знакомым. Это был энкаведешник, который арестовал бабушку и пытался сделать из отца сексота. Как оказалось, тот попал в плен и оказался в лагере. Опознав ненавистного энкаведешника, отец не сдержался и избил его до полусмерти вечером на виду у всех мужиков барака, молчаливо наблюдавших за дракой. Никто не вмешался, все знали – заслужил. Впоследствии этот эпизод был зафиксирован как отягчающий вину в деле отца, когда он проходил госпроверку, вернувшись на родину.

Вопреки всему отец выжил. Лагерников освободили американцы. Они предлагали уехать во Францию, Америку. Появились советские агитаторы, обещали золотые горы по возвращении домой. Приятель звал отца во Францию, говорил:

– Все брехня! Вернешься домой – не избежать тюрьмы, а еще хуже, расстрела. Ты чё, дурак, забыл всё, думаешь, что-то изменилось? Да мы для них предатели. А мы в этом аду выжили, мы молоды, и это главное. Бежим!!! Франция – это же мечта!

Отец долго раздумывал, но потом все-таки пришел к «своим» – очень хотел вернуться к семье. «Свои» всех, кто пришел, отправили в родные лагеря в Коми АССР и отец оказался на поселении в Печоре, откуда послал маме письмо, и после этого она уехала с Левым в Башкирию.

А весной сорок седьмого года отец вдруг появился у Бугаевых в ЦЗЗ, где не застал нас с мамой. Он пробыл там два дня и поехал в Миндяк. Мама работала в магазине, дома был Левый, он пришел с работы и грел на плите щи. Отец постучал в дверь и вошел. Представился:

– Александр Харламов.

Левый поправил очки и сказал:

– Тоня скоро придет. Щи будешь?

Когда мама пришла из магазина, где работала, мужики хлебали щи. Она вошла, и дружный стук ложек прекратился. Левый доел щи и сказал:

– Я на завод, там авария! Вернусь поздно.

И ушел. Мама была потрясена белыми волосами отца. Отец говорил о себе скупно, уклончиво и неохотно. Но она все поняла и поверила, что он свободен.

Отец ей сказал, что завтра вечером уезжает, договорился с машиной. Сказал, что хочет увидеть меня и чтобы мы приехали к нему. Когда устроится, пришлет письмо и будет нас ждать. Они проговорили до полуночи, пока не пришел Левый, он проводил отца в дом для приезжих. На следующий день Леля-Дуся привела меня к отцу, и мы с ним целый день гуляли на горке. Я запомнила это на всю жизнь. А потом подъехала машина, мы простились и он уехал.

В начале сорок восьмого года Левого и Лелю-Дусю допрашивали в НКВД. Маму не трогали, так как она была беременна. Стало ясно, что отец сбежал и его искали. С тех пор тема об отце была запретной. Отец ничего не написал маме и исчез навсегда. А мама ждала его всю жизнь и не могла простить, что он не написал и обманул ее. В сорок восьмом году мама родила сестричку Ларису и уже не работала. А Левый Петр Георгиевич удочерил меня и я стала звать его папой.

Уже в начале перестройки Нина мне написала: «Вот ведь какая судьба! – ведь ты приехала жить в те места, где в лагерях был Саша, твой отец».

Это было как гром среди ясного неба! Вспыхнуло в памяти одно событие. Я работала тогда главным архитектором строящегося города нефтяников Усинска, Всесоюзной Ударной комсомольской стройки в Коми АССР. Однажды я была в командировке в селе Усть-Уса с двумя художниками из Москвы, которых пригласила ставить обелиск в память о погибших в Великой Отечественной войне. Село находилось на слиянии рек Печора и Уса. С берега к реке спускалась шаткая деревянная лестница. Мы сидели на высоком берегу реки на лавочке с водочкой и закуской после рабочего дня. Вид был потрясающий, Сквозь тяжелые огромные тучи вдруг прорвалось ослепительное солнце, золотом охватило края облаков и серебром полыхнуло по реке. Смутное какое-то, чувство охватило меня, ушли все звуки и разговор, который неторопливо вели художники. Я вдруг почувствовала, что я это уже видела! – этот пейзаж, эти низкие жемчужно-серые облака, лучик солнца, проблеском озаривший реку! Я стояла замороженная, зачарованная.

– Светик, ты чего? – пробился в тугую тишину голос.

– Я это уже видела, – сказала я, приходя в себя, осознавая всю нелепую, бредовую и абсурдную бессмысленность своего впечатления.

– Мистика какая-то, я здесь первый раз! – но я это уже видела! Мне знаком и этот берег, и эта пристань, слияния рек и потрясающее небо!

Федя Моржов, московский художник, сказал:

– Да, ребята! Мы ведь сидим на том месте, где была перевалочная база для бывших военнопленных из немецких концлагерей. Их везли в Усть-Усу на баржах по Печоре в Ухталаг,

Печлаг, Воркуталаг. Это они строили железку в сорок шестом, их кости лежат под шпалами от Москвы до Воркуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.